

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 74 (4199)

Четверг, 23 июня 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ОТ ИМЕНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ДЕЛЕГАЦИЯ Коммунистической партии Советского Союза, направляющаяся на III съезд Румынской рабочей партии, еще не успела подняться на самолету на Внуковском аэродроме, а печать всего мира уже начала строить догадки — о чем же будет говорить на съезде Никита Сергеевич Хрущев? Одни газеты ждали этого выступления с надеждой, другие — со страхом, с несдерживаемыми опасениями.

Пытаюсь заранее пригласить внимание слов Н. С. Хрущева, американская газета «Нью-Йорк таймс» писала в редакционной статье за день до его речи: «Печать так часто ставит Хрущева в центр внимания, что иногда возникает опасение — не забудет ли она, что он всего лишь один человек из 200-миллионного населения страны».

Ни печать, ни люди — а тем более советские люди, — конечно, никогда не забудут, что Хрущев — один из двухсот миллионов. Но ведь в этом-то как раз и корень всего — он говорит и думает то, что говорят и думают двести миллионов! Мысли и намерения Никиты Сергеевича — это мысли и намерения и Ивана Ивановича, на которого вы, господа из «Нью-Йорк таймс», ссылаетесь, и Николая Александровича, и Остаса Григорьевича, и Ованеса Ованесовича. И когда в своей речи посланец нашей партии, нашего народа, говоря о неизбежном крахе капитализма, подчеркивает: «Мы убеждены, что это произойдет неизбежно, независимо от того, согласны ли с этим господа империалисты и их лакеи, как исторический процесс перехода человечества в социализм неотвратим», — вы без тени сомнения можете вместо «мы» поставить «200 миллионов». А хотите — миллиард! Как вам больше нравится! В любом случае — победа будет за коммунизмом!

В последнее время западная пропаганда оповестила мир о своем сенсационном открытии: оказывается, советские люди хотят жить лучше. У нас в таких случаях говорят: вот открыли Америку! Да ведь это всегда была главная цель Коммунистической партии, Советского правительства. Задолго до того, как американцы открыли эту «Америку», Коммунистическая партия Советского Союза мобилизовала все наши силы, чтобы в ближайшее время резко повысить благосостояние советских людей. Мы уже можем подвести некоторые итоги — о них тоже шла речь в Бухаресте. Только за первый год семилетки в стране построено более трех миллионов квартир и отдельных домов. А за семилетие всего будет построено столько квартир, что вместе они составят сто восемьдесят городов, каждый из которых равен, скажем, Омске или Лонг-Бичу в США, а в СССР — Томску или Кирову. Мы можем теперь дополнительно выделить 25—30 миллиардов рублей сверх плана на увеличение производства товаров потребления. Но советские люди понимают, что есть спокойнее за полный стол можно лишь тогда, когда во дворе всего полно, да в том же ограде от непрошенных гостей надежнее.

И вот это-то не нравится больше всего на свете господам империалистам. Так хочется перелезть через ограду, заглянуть в чужой дом хоть краешком глаза! Причем, хоть дом наш открыт, двери перед гостем мы всегда распахнуть рады, —

нет, их танет через черный ход или через окно, да к тому же, когда дома никого нет или все спит!

Дела у непрошенных гостей — лазутчиков, как известно, кончатся плачевно. Об этом говорит хотя бы пример с летчиком-шпионом Пауэрсом. Хотя Пауэрс — очень хорошо сказал о нем Н. С. Хрущев — «только маленькая ядовитая бованка, находящаяся на службе у военных Пентагона», — его казус служит наглядным уроком для любителей совать нос в чужие дела без спросу; он, несомненно, будет позорной страницей в истории Америки.

Можно ли после подобного скандала сидеть за одним столом с такими людьми? Ни в коем случае, — пока они не извинятся, не скажут прямо, что они никогда больше не повторят таких поступков. Но если нам, советским людям, говорят, что непрерывное заглядывание в наш дом будет продолжаться, — увольте, мы не согласны! Не согласны мы и с таким предложением: чтобы не подглядывать тайно, мы приставим своего человека, который будет контролировать каждый ваш шаг.

Помилуйте, господа империалисты, вы нас с кем-то путаете!

Вот почему — и только поэтому — мы, двести миллионов человек, не дали нашему согласию участвовать в совещании на высшем уровне. Кто же, спрашивается, сорвал его?

В Бухаресте Никита Сергеевич упомянул, что «не всем людям, даже тем, которые стоят за существованием и борются за обеспечение мира, до конца понятна позиция, занятая Советским правительством в Париже». Однако хотелось бы добавить к этому: наша позиция ясна подавляющему большинству людей. В этом без труда убедились Эйзенхауэр, убедившись политические воззрения Америки. Они-то полагали, что народы Азии и Дальнего Востока «разочаруются» в политике Советского правительства после парижских событий и бросятся в объятия США. С этой мыслью и направился в поездку по странам Азии президент США. Что было дальше — общеизвестно. Все более или менее беспристрастные наблюдатели подчеркивали, что ионский провал американской политики — прямое следствие полета «У-2» и событий, приведших к срыву Парижского совещания. Нет, народы мира не разочаровались в советской политике!

Советский Союз не только провозглашает, но на деле проводит принцип сосу-

ществования, принцип укрепления мира, ослабления международной напряженности и ликвидации «холодной войны». При этом мы, двести миллионов, исходя из того, что война в нынешних условиях является неизбежной. По той простой причине, что нас уже не двести миллионов, а во много раз больше. И хотя не исключена возможность того, что империалисты попытаются развязать войну, теперь, подчеркивает Н. С. Хрущев, «даже глупые, выжившие из ума представители империалистических кругов подумают, да и не раз подумают о нашей мощи, прежде чем пойти на военную авантюру».

Тот факт, что Соединенные Штаты торпедировали Парижское совещание, казалось бы, дает повод усомниться в возможности избежать войны, пока существуют капитализм и его высшей ступень — империализм. Анализируя сущность империализма, В. И. Ленин подчеркивал, что он неотделим от войны. Но ведь это было несколько десятилетий тому назад! Тогда еще не было Советского Союза, не было других социалистических госу-

дарств. Большая часть земного шара представляла собой туп империализма, в то время как теперь она явно складывается в пользу социализма. В таких условиях повторить по буквам то или иное высказывание основоположников марксизма-ленинизма — без собственного мышления, без глубокого изучения жизни и анализа современной обстановки — значит быть ребенком в жизни.

Отрицать возможность осуществления двух социальных систем — значит объективно играть на руку сторонникам «холодной войны», для которых даже слово «существование» — нож в сердце. Одни из них, вроде Диллона, цинично заявляют, будто не понимают, что же это за штука — сосуществование. Другие тщатся доказать, будто сосуществование — та же «холодная война», только чуть-чуть измененная. Но зато народы во всем мире очень хорошо знают, чем мир отличается от войны.

Вот почему мы отнюдь не намерены поддаваться провокациям и отказываться от нашей генеральной линии — от борьбы за мирное существование, против угрозы войны. Наши идеи победят в мирном соревновании. Войну можно и нужно предотвратить!

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

СТЕПАНАКЕРТ В городе Степанакерт, центре Нагорно-Карабахской автономной области, состоялся выездной пленум правления Союза писателей Азербайджанской ССР.

Пленум открыл первый секретарь правления Союза писателей Мехти Гусейн. С докладом «Тема дружбы народов в азербайджанской литературе» выступил народный писатель республики Сулейман Рагимов. Поэт Самвел Григорян поставил свое выступление вопросом развития армянской литературы в Азербайджане. На пленуме в Союз писателей принята группа молодых литераторов Нагорного Карабаха.

СТАЛИНАБАД Вечер дружбы Союзных писателей состоялся в Сталинабадском центральном парке культуры и отдыха.

Немного из моих земляков приходится бывать на сочной земле Таджикистана, — сказала на этом вечере литовский поэт Эдуардс Межелайтис, — и мы от всей души радуемся личным встречам с таджикскими писателями, произведения которых еще больше переводятся на литовский язык.

Э. Межелайтис прочитал на родном языке свои стихи о дружбе народов.

Тепло встретили участники вечера выступление Константина Симонюна. Он прочитал свое стихотворение «Речь моего друга Самела Вургуна на обеде в Лондоне». На вечере выступили также М. Миршакар, Г. Мирзоев, А. Декоти, критик В. Огиев (Москва) и другие.

Позднее налад бывшие выступлением лауреата Ленинской премии Мирзо Турсун-заде.

Э. Межелайтис прочитал на родном языке свои стихи о дружбе народов.

Тепло встретили участники вечера выступление Константина Симонюна. Он прочитал свое стихотворение «Речь моего друга Самела Вургуна на обеде в Лондоне». На вечере выступили также М. Миршакар, Г. Мирзоев, А. Декоти, критик В. Огиев (Москва) и другие.

Позднее налад бывшие выступлением лауреата Ленинской премии Мирзо Турсун-заде.

ГУМАНИЗМ НАШЕЙ ЭПОХИ

ЛЕНИН не раз писал о «старых» словах, которые в новых исторических условиях получают новое содержание и новую жизнь. К таким словам относятся и гуманизм. Немного слов, с которыми бы так старательно, как с этим, поработали лицемеры и обманщики, казенные профессора, богословы, публицисты, мастера обличать буржуазную фальшь в одежде красивых слов. Постулат таких мастеров — гуманизм состоит во всепримиряющей терпимости, умения подняться над «кузницами», «партийными» интересами и стремлениями.

Научный коммунизм обогатил и наполнил новым содержанием само понятие гуманизма. Отвечая либеральным публицистам, которые осуждали классовую «чуждость» и вообразили себя «возвысившимися» над всякой «партийностью» до «общечеловеческой» точки зрения, Ленин писал:

«Ошибаетесь, почтеннейшие. Эта точка зрения не общечеловеческая, а общехолоская».

Эти строки взяты из статьи «Памяти графа Гейдена» — блестящего памфлета, в котором Ленин разоблачил фальшь буржуазно-помещичью «гуманизма», признание мягкотелости и благопристойности прикрывать подлинное лицо угнетательских классов. Ленин принадедил историческая заслуга осуждения гуманизма от скверны буржуазного лицемерия; продолжая дело Маркса, он связал гуманизм с величайшим освобождением и социальным движением человечества — с социализмом. Подлинный гуманизм — в полном и всестороннем освобождении человека от эксплуатации, от угнетения, в создании общества, в котором свободное развитие каждого неотделимо от развития всех.

«Основная цель всей жизни Ленина — общечеловеческое благо...» — писал Горький. «Я не могу представить его себе без этой прекрасной мечты о будущем счастья всех людей, о светлой, радостной жизни». Но это не та любовь, которая льет примиряющий элей, заставляя забыть о том, что стоит на пути к счастью реального человека. Любить людей, стремиться к общечеловеческому благу, значит стремиться устранить все, что лишает счастья, скрывает и угнетает человека. Горький писал Р. Роллану о Ленине: «...Я особенно нежно и глубоко любил его за ненависть к страданиям, за его неукротимую вражду ко всему, что искажает человека».

Подлинная любовь к людям не терпит расплывчатости, неопределенности, пассивности. Только социализм, угнетая Ленина, «в состоянии спасти гибнущую культуру и гибнущее человечество». Эта задача требует величайшей решимости, целеустремленности, ясности мысли. Никемные «воздыхания о дурном прошлом», как и «мечтания о хорошем будущем» сами по себе решительно ничем помочь не могут. Представители утопического социализма вдохновлялись самыми благородными идеями, но этот социализм «не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность нашего рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества» (Ленин).

Маркс и Энгельс называли коммунизм реальным гуманизмом. Эта сжатая формула полна огромного значения. Коммунизм делает гуманизм реальным, связывает его с конкретной деятельностью во имя достижения человеческого счастья, с теми общественными силами, которые на деле способны обеспечить освобождение труда, счастливую жизнь людей. Научный ком-

РЕПОРТАЖ РАЗДАН

ЭТОМУ городу явно повезло: здоровый горный воздух (высота здесь 1780 метров над уровнем моря); под боком дачное место Чахадзор — долина цветов; в 20 минутах езды — голубой Севан. Да, впрочем, теперь и в черте города есть свое озеро. Оно, конечно, поменьше Севана, но все-таки озеро. И набережная уже отреставрирована, и деревья посажены. Скоро густые прибрежные парки зашумят у нового озера, рожденного Атарбекянской ГЭС.

Но главное преимущество города — его молодость. От роду ему год.

Столетия жила Ахта (так назывался Раздан) славской жизнью. Старики земли, скальные оутраи овец и камни, камни...

Советские сорок лет преобразили Ахту, коренным образом изменили судьбу ее людей. Но вот камни, сухие бесформенные камни остались те же. Те же? Нет. Оказалось, что камни, отполированные дождем, солнцем и ветром, превратили старую Ахту в новый промышленный центр Армении.

Серая с черными блестящими шероховатая порода — нефелиновый сиенит. В огромных количествах залегают он в горах Раздана. Ученый химик М. Манвелян разработал способ получения из него глинозема — сырья для производства алюминия. И не только глинозема, а еще 8—10 ценных химических продуктов, в том числе нового вещества серванита. В одной из лабораторий Научно-исследовательского института химии в Ереване я видел чудесное стеклянное волокно различных оттенков. Дешевое и высококачественное. Здесь же мне показали хрусталь, первый армянский хрусталь из того же серванита.

Поташ, цемент, метасиликат кальция, белая сажа — все это из серого шероховатого камня, что веками бесцельно залежало в недрах Раздана.

Позднее налад бывшие выступлением лауреата Ленинской премии Мирзо Турсун-заде.

тельству крупного горнохимического комбината в Раздане.

Улицы Раздана... Будем считать: много здесь еще от селы. Садковатый княжий дом поднимается в вечернее небо. Но уже пришел сюда природный газ из братского Азербайджана.

Серые, угрюмые строения. Но уже смело занимают свое место большие из розового туфа дома. И строятся, строятся...

Идет вода из родника-памятника, украшенного каменным орнаментом. И девушки одна за другой подставляют к быстрой стуженой струе глянцевые кушанья. Но уже бежит вода и по трубам городского водопровода.

Все еще сельский пейзаж. Но на каждом шагу признаки города: Научно-исследовательский институт профессиональных заболеваний и охраны труда; красивое здание Дома культуры; музыкальная школа-семилетка и дом художника. Ереванские художники (не забудь ли и писателей!) создали здесь свой дом, чтобы запечатлеть в полотнах рождение нового города.

Я зашел к председателю районного исполнительного комитета Агвану Манукувичу Налбандяну, чтобы подробнее узнать о новом городе.

— Не приглашайте ли нас и Каралета Хачатуровича Маргаряна — первого председателя первого исполнительного комитета нашего годовалого города, — пошутил А. Налбандян.

На слова — генеральный план города. Но нужна ли карта, когда председатель РИКА и председатель горсовета с таким увлечением рассказывают о будущем Раздана.

— К концу семилетки в нашем городе будет не менее сорока тысяч жителей (заметим: сейчас девять тысяч). Два городских района соединит тоннелем, пробитым в горе. Будет у нас свой театр, свои артисты и музыканты. И институт химии, думаю, будет свой. Вдох уже у нас! Поднимайтесь, друзья, у нас растут отличные мичур-

ские сорта яблок, груши, сливы. И местных сортов семечко. Садоводы наперобовали свои услуги, предлагают, — говорит А. Налбандян.

«Водная станция и свой спортивный флот будут. И свои дома отдыха. Одним словом, наш город станет промышленно — курортным. Очень хорошим, обескураженным, — добавляет К. Маргарян.

«Наш город». Он будет обескуражен еще и потому, что для застройки его Манвел Гарегинович Манвелян собирает предложить новый строительный материал — пенотуф, созданный в том же институте химии. С виду пенотуф, словно губка, — пористый, в воде не тонет, не сыреет, теплопроводностью, морозостойчив и звукопоглощающ. Его можно расплавлять как уголок, и него можно вбивать гвозди, и он не крошится.

Камнем «крепчайшей легкости» был назван в свое время естественный туф. Эта характеристика — тем более точна для пенотуфа. Блестящий — создание природы, продукт вулканических извержений, то есть высоких температур и газов, то пенотуф некое продолжение того же процесса, но куда искусственного и куда более спокойного. Отходы туфа в специальных печах плавятся при температуре 1200°. Застывающей массе придается любая форма, необходимая для кладки стен, облицовки и т. д. Так создается пенотуф — материал в несколько раз легче туфа, но сохраняющий все его строительные качества. Из этого материала и мечтает Манвелян видеть новый город большой химии.

Раздан — быстрая, веселая река Армении. Энергичная, неутомимая, вращающая турбины целого каскада электростанций. По имени реки назван и новый город, выстроенный на ее берегах. Выдающийся энергично и быстро, как текут воды этой чистой реки.

К. СЕРЕБРЯКОВ, собственный корреспондент «Литературной газеты» РАЗДАН, Армянской ССР

ХУДОЖНИКИ РОССИИ

21 ИЮНЯ в Москве открылся Первый съезд художников РСФСР.

Тепло встретили собравшиеся появление в президентском А. Б. Аристово, О. В. Куусинена, Д. С. Полянского, Е. А. Фурцевой.

С большим вниманием было выслушано приветствие съезду от Бюро ЦК КПСС и Совета Министров РСФСР.

— Сегодня у нас большой, торжественный день — это день нашего праздника, день больших забот и важных решений. Мы собрались с вами на Первый учредительный съезд художников Российской Федерации, — начал свой доклад председатель оргкомитета Союза художников РСФСР В. А. Серов. — Первый съезд объединяет в Союз художников Российской Федерации творческие коллективы художников края, области, автономных республик РСФСР. Этот актом закрепляется давний братский союз художников Советской России.

Но не только свидетельством дружбы и единения художников Российской Федерации служит этот съезд, открывшийся в Большом Кремлевском дворце. Стоит только вспомнить дружные, долго не прекращавшиеся аплодисменты зала в тот миг, когда председательствующий Д. Шмаринов пригласил в президиум руководителей делегаций художников союзных республик и прибывшего на съезд М. Сарьяна, чтобы понять, какие тесные узы связывают всех деятелей искусства нашей страны, объединенных одним стремлением, одним желанием быть верными помощниками партии и Советского правительства в деле коммунистического воспитания народа.

«Жизнь народа — источник творчества художника» — так назывался доклад В. Серова.

Путь, пройденный изобразительным искусством Российской Федерации, — подчеркнул докладчик, — это путь борьбы за становление искусства социалистического реализма, за его народность и партийность, за высокую идейность и совершенное художественное мастерство.

Он напомнил собравшимся об открывшейся два месяца назад первой объединенной выставке художников РСФСР «Советская Россия», явившейся отчетом художников перед народом, живым свидетельством все возрастающего интереса к художественному творчеству широких масс трудящихся, все более укрепляющейся связи искусства с жизнью народа.

Самым радостным и значительным событием было посещение выставки «Советская Россия» руководителями партии и правительства, которые дали ей высокую оценку.

«Я счастлив передать вам, что Никита Сергеевич Хрущев тепло поблагодарил вас, художников Российской Федерации, за большой и успешный труд по созданию выставки «Советская Россия».

Оценка руководителей партии, являющихся самыми яркими выразителями мысли и чувств нашего великого народа, вызывает у художников Российской Федерации высокую радость и ко многому обязывает нас.

В беседе на выставке Н. С. Хрущев подчеркнул, что предостережение более широких прав республикам способствовало новому большому подъему в культурной жизни Российской Федерации.

О радости творческого труда, о нерушимой связи советского искусства с жизнью народа, о правде — неизменном законе творчества — говорили выступавшие в прениях С. Герасимов, Е. Кибрик, Д. Шмаринов, Е. Белашова, А. Левитин (Ленинград), В. Рогов (Иркутск), О. Карташев (Куйбышев), А. Вязников (Свердловск) и другие. И все они могли повторить вслед за докладчиком, что жизнь народа была, есть и будет источником вдохновения для истинного художника, что нет силы, которая свернула бы наше искусство с главной линии его развития — с пути социалистического реализма. Что в борьбе двух идеологий — буржуазной и коммунистической — художники Российской Федерации без колебания и компромисса, последовательно отстаивают коммунистическую идеологию.

Оценки руководителей партии, являющихся самыми яркими выразителями мысли и чувств нашего великого народа, вызывает у художников Российской Федерации высокую радость и ко многому обязывает нас.

В беседе на выставке Н. С. Хрущев подчеркнул, что предостережение более широких прав республикам способствовало новому большому подъему в культурной жизни Российской Федерации.

О радости творческого труда, о нерушимой связи советского искусства с жизнью народа, о правде — неизменном законе творчества — говорили выступавшие в прениях С. Герасимов, Е. Кибрик, Д. Шмаринов, Е. Белашова, А. Левитин (Ленинград), В. Рогов (Иркутск), О. Карташев (Куйбышев), А. Вязников (Свердловск) и другие. И все они могли повторить вслед за докладчиком, что жизнь народа была, есть и будет источником вдохновения для истинного художника, что нет силы, которая свернула бы наше искусство с главной линии его развития — с пути социалистического реализма. Что в борьбе двух идеологий — буржуазной и коммунистической — художники Российской Федерации без колебания и компромисса, последовательно отстаивают коммунистическую идеологию.

Оценки руководителей партии, являющихся самыми яркими выразителями мысли и чувств нашего великого народа, вызывает у художников Российской Федерации высокую радость и ко многому обязывает нас.

В беседе на выставке Н. С. Хрущев подчеркнул, что предостережение более широких прав республикам способствовало новому большому подъему в культурной жизни Российской Федерации.

О радости творческого труда, о нерушимой связи советского искусства с жизнью народа, о правде — неизменном законе творчества — говорили выступавшие в прениях С. Герасимов, Е. Кибрик, Д. Шмаринов, Е. Белашова, А. Левитин (Ленинград), В. Рогов (Иркутск), О. Карташев (Куйбышев), А. Вязников (Свердловск) и другие. И все они могли повторить вслед за докладчиком, что жизнь народа была, есть и будет источником вдохновения для истинного художника, что нет силы, которая свернула бы наше искусство с главной линии его развития — с пути социалистического реализма. Что в борьбе двух идеологий — буржуазной и коммунистической — художники Российской Федерации без колебания и компромисса, последовательно отстаивают коммунистическую идеологию.

Оценки руководителей партии, являющихся самыми яркими выразителями мысли и чувств нашего великого народа, вызывает у художников Российской Федерации высокую радость и ко многому обязывает нас.

В беседе на выставке Н. С. Хрущев подчеркнул, что предостережение более широких прав республикам способствовало новому большому подъему в культурной жизни Российской Федерации.

О радости творческого труда, о нерушимой связи советского искусства с жизнью народа, о правде — неизменном законе творчества — говорили выступавшие в прениях С. Герасимов, Е. Кибрик, Д. Шмаринов, Е. Белашова, А. Левитин (Ленинград), В. Рогов (Иркутск), О. Карташев (Куйбышев), А. Вязников (Свердловск) и другие. И все они могли повторить вслед за докладчиком, что жизнь народа была, есть и будет источником вдохновения для истинного художника, что нет силы, которая свернула бы наше искусство с главной линии его развития — с пути социалистического реализма. Что в борьбе двух идеологий — буржуазной и коммунистической — художники Российской Федерации без колебания и компромисса, последовательно отстаивают коммунистическую идеологию.

Оценки руководителей партии, являющихся самыми яркими выразителями мысли и чувств нашего великого народа, вызывает у художников Российской Федерации высокую радость и ко многому обязывает нас.

В беседе на выставке Н. С. Хрущев подчеркнул, что предостережение более широких прав республикам способствовало новому большому подъему в культурной жизни Российской Федерации.

И эту женщину, может быть, не так хорошо знающую картину, но знающую жизнь... И юных «ремесленников», у которых только началось порою первых выводов.

Картина Г. Коржева «ПОДНИМАЮЩИЯ ЗНАМЯ». Она входит в серию «Коммунисты». Полотно никого не оставляет равнодушным.

И эту женщину, может быть, не так хорошо знающую картину, но знающую жизнь... И юных «ремесленников», у которых только началось порою первых выводов.

Картина Г. Коржева «ПОДНИМАЮЩИЯ ЗНАМЯ». Она входит в серию «Коммунисты». Полотно никого не оставляет равнодушным.

НЕДАВНО я получил письмо от Евгения Гавриловича Юнакова. В годы Отечественной войны Юнаков командовал дивизионом подводных лодок. Теперь он воспитывает смену. Евгений Гаврилович приглашает меня на вторую встречу подводников-ветеранов войны на Балтике.

Еще не дочитав письма, я уже знал, что поеду. Дела, еще вчера казавшиеся неотложными, могут подождать. Захотелось поглядеть старых товарищей, пройтись по улицам и причалам Кронштадта, незабываемого неповторимого в своем суровом обаянии.

Незабываемое тоже забывается. Но ярко всплывает в памяти при малейшем напоминании. Встреча ветеранов началась не в Кронштадте. Она началась в Ленинграде, на набережной Красного флота. Задолго до отхода катеров у пристани стали сплываться люди в возрасте от сорока лет в гражданских костюмах и флотских тужурках со следами недавней обработки утюгом. Некоторые сразу бросаются друг другу в объятия, другие сперва смотрят прищелкивающимся взглядом — он или не он? Служба на подводных лодках не молодит, да и воды утекло немало. Многие не видели по десять-пятнадцать лет.

Мне все лица кажутся знакомыми. Моя память хранит сотни фамилий. Самое трудное — связать их между собой.

Кто-то (лицо очень знакомое) ласково хлопает меня по спине: «Здорово, дед!» Я тронут и несколько смущен — неужели я выгляжу дедом? Разгадав приходит ко мне несколько позже, при регистрации. В списках мы все числимся в своих прежних должностях и званиях. Я — редактор газеты «Дозор», старший политрук. А в «Дозоре», помимо передовых, я из номера в номер сочинял сатирические раешники и подписывался «дед Водяной».

Все бурно предаются воспоминаниям. Есть что вспомнить. Даже фарватер, которым идут катера, — памятен. В сорок первом году здесь не ходили, а прорывались. Подводная лодка могла проскочить только ночью, в полуполночном состоянии. Из Лигова и Петергофа била немецкая артиллерия; авиация бомбила и минировала проходы...

— А помнишь, как мы подорвались вон у того буя?

— А помнишь? Через час стоящие на палубе видят купол кронштадтского собора, а еще через десять минут мы высаживаемся у Петровского бульвара.

Ветеранов встречают с оркестром. Затем ведут к памятнику фотографироваться.

На сквере сооружена временная трибуна. Здесь состоится митинг и торжественная закладка памятного геральдическому гербу героям-подводникам, погибшим в боях в годы Великой Отечественной войны. На трибуну поднимаются представители флота и Кронштадтского Совета. Среди моряков речь особенно запомнилась обращенная к молодым подводникам яркая речь Героя Советского Союза С. П. Лисина.

Небольшой перерыв, посвященный осмотру созданной при учебном отряде «комнаты боевой славы», — и в новом здании матросского клуба открывается торжественное собрание. Начинается оно необычно — председательствующий знакомит собравшуюся в клубе молодежь с каждым из гостей, а их около двухсот. Среди этих двухсот — прославленные подводные «асы» и скромные береговцы на действительной службе и ушедшие в запас и в отставку. Молодежь всех приветствует аплодисментами.

Клуб называют именем Героя Советского Союза Калинин, Коновалова, Лисина, командиров прославленных кораблей Грищенко, Матисевича, Могилевского, аплодисменты становятся бурными. С особым увлечением, почти демонстративно, хлопают молодежь, когда было названо имя бывшего командира «С-13» Александра Ивановича Маринеско и встал небольшой ростом человек, в поношенном штатском костюме, с лицом немолодого и все-таки мальчишеским, ни дать ни взять, катаясь Гаврик в возрасте под пятьдесят. Но о Маринеско будет особый разговор, сперва несколько слов о митинге и собрании.

Все торжественное как-то не приняло критиковать. Я думаю, что не испорчу праздника, отметив единичный общий для митинга и для собрания недостаток: они были слишком похожи.

В конце двадцатых годов я слышал доклад одного из величайших пропагандистов нашей партии Михаила Ивановича Калинин о коммунистическом воспитании. Это был поразивший меня своей заданностью разговор с молодежью, не лекция, не ораторское выступление, а товарищеская беседа. Михаил Иванович стоял на самом краю кафедры, заложив руки за спину, и разговаривал с переполненным амфитеатром так, как не всякий умеет говорить в семейном кругу. Он не приводил цитат и статистических справок, а делился опытом своей богатой общественной жизни, рассказывал о себе, о своей семье, о воспитании собственных детей. И это было неотразимо.

Из многих тем, затронутых тогда Михаилом Ивановичем, мне на всю жизнь запомнились его соображения о роли агитации и пропаганды. Считаю себя по преимуществу пропагандистом, Михаил Иванович с восхищением говорил о пламенных агитаторах партии Свердлова, Дзержинского, Ворошилова... При этом он отчетливо разграничивал сферы и методы пропаганды и агитации, предостерегая от обезличенного подхода и смешения.

В Кронштадте и на митинге, и на собрании были хорошие выступления, но, мне кажется, и митинг, и собрание только выиграли бы, если б не повторили друг друга, если б речь на закладке памятного гербу героям и не читались по бумажке, а во встрече в клубе помещены митинговали. Из двухсот гостей выступило едва десять, огромный багаж опыта, привнесенный с собой ветеранами подводного флота, так и остался нераспакованным. Может быть, в дальнейшем следует устроить в такой день не одну, а несколько встреч, может быть, менее торжественных, но более целенаправленных...

Пусть не погнаются на меня организаторы встречи за эти критические замечания — я именно потому их и делю, что мне очень нравится замысел, да и в осуществлении вижу много удачного. Производит сильное впечатление «комната боевой славы», где собраны ценные материалы о боевой деятельности подводников. Хороша была веселая церемония — вручение командирам кораблей живых поросят.

Александр КРОН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Таков обычный: даже в годы ленинградской блокады флот встречал вернувшихся из успешного похода командиров традиционным подарком — поросятами для торжественного обеда.

За обедом я сижу с лембитовцами. С командиром красномаршевой подводной лодки «Лембит», ныне начальником лодманской службы Ленинградского порта, Алексеем Михайловичем Матисевичем мы регулярно встречаемся и состоим в переписке. Остальные же не видел много лет. Сейчас все они «на гражданке». Бывший инженер-механик лодки С. А. Моисеев работает в конструкторском бюро, минер Я. Ш. Шершневич учится в командирском отделе Штерновых И. Я. Грищенко — инженер по ремонту на морозовде, старшина электротехников Т. В. Сумера — директор Таллинского художественно-промышленного комбината, бывший секретарь парторганизации «Лембита» старшина мотористов В. И. Грачев снова на партийной работе — инструктор райкома, старшина торпедистов П. Н. Челюскин — начальник цеха зеркальной фабрики, командир отделения трюмных Ф. В. Песваков стал начальником поезда, другой командир отделения моторист Н. И. Шеханин работает слесарем-механиком. С боцманом Н. И. Дмитриевым мы в некотором роде коллеги, состоим в одном профсоюзе — он работает в типографии. Всего десять человек, но люди самые что ни на есть отборные, испытанные в бою и в труде, об их делах не раз писали в «Дозоре», да и в центральной печати. Все это еще не старые люди, и своей прежней профессии не забыли. Я пишу статью спрашивая Матисевича: если б наш стол был лодкой, смогли бы вы отойти от пирса? Алексей Михайлович улыбается, затем всерьез задумывается. Он оглядывает всех сидящих за столом, прикидывает.

— Смогли бы, — говорит он с серьезным видом, — не только отойти, но погрузиться и всплыть. А если понадобится, то и выйти в атаку... Но вернемся к сидящему за соседним столом Маринеско. Я помню его командиром «калюги». О нем говорили как о скромном, храбром и независимом человеке, матросы его любили. Воевал он отлично. О его боевых успехах теперь уже можно говорить не предположительно, а точно. На первой встрече ветеранов-подводников, происшедшей в Кронштадте год или два назад, были опубликованы уточненные по послевоенным данным сведения о боевых успехах подводников Балтики. Первое место по тоннажу все всякого рода принадлежностей Александру Маринеско. На втором месте — Петр Грищенко.

Однако за пределами узкого круга имя Маринеско почти неизвестно. В печати оно не упоминается. В Центральном военно-морском музее, что на Биржевой площади, висит большая писанная маслом картина, изображающая подвиг подводной лодки «С-13». Название лодки раскраскено, засекречено по почему-то фамилия командира. А сам герой — старший лейтенант в отставке, получающий наименьшую из возможных пенсий.

— Но, вероятно, — возразит мне солидный читатель, — на то имелись серьезные основания? Да, основания были. В трудной и опасной жизни Маринеско были обилие бытовых и служебных. Были звания, были снижения в должности и звании, и даже судебный приговор по хозяйственному делу. Не будем сейчас вдаваться в прошлое. Для меня важно одно: ошибки Маринеско — результат слабости. Но не подлости. Его горячий патриотизм, беззаветная преданность социалистической Родине не поддались сомнению. А раз так, никто не вправе отнимать у героя кровно завоеванную боевую славу. Дело не в самом Маринеско, в справедливости заинтересованы все. Советский боец воевал не ради славы, но несправедливость больно ранит, а иногда толкает на ошибочные поступки. Нельзя вечно помышлять об ошибках и забывать подвиг. И соображения типа: «целесообразно ли его поднимать, что-то у него, кажется, не в порядке»... при всей своей внешней ортодоксальности, зачастую оказываются мелкими соображениями.

На другой день после кронштадтской встречи я был в Центральной музее и видел «анонимную» картину. Научные руководители музея охотно предоставили в мое распоряжение официальную справку. В ней нет ничего секретного, и (пусть мелким шрифтом) приведу ее полностью:

Министерство Обороны СССР Вх. № 1733 Воинно-Морской Флот 30. VI. 1959 г. 15 июня 1959 г. № 11203 г. Москва. Отдел кадров ЛВМР Справка Капитан 3 ранга Маринеско Александр Иванович в период Великой Отечественной войны находился в должности командира подводной лодки «М-96», а затем «С-13».

КАК ПРАВИЛЬНО ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ?

КАЖДЫЙ, кто внимательно относится к русской речи, кто заботится о чистоте русского языка, с огорчением замечает, сколько существует ошибок в речи, отклонений от литературных норм. Слушатели радио, театральные зрители, любители телеэкрана и внимательные наблюдатели современной жизни разговорной речи спрашивают: почему это? То, что одним представляется правильным, другие считают ошибкой. Почему так происходит? Разве нет раз навсегда данных правил произношения? Да, на все случаи нет векового правила. Почему? Язык живет, развивается, совершенствуется, в нем борются разные (и, прибавим, исторически закономерные) «правила». То, что было хорошо в одну эпоху, не одобряется в другую. Например, со второй половины прошлого века московский Малый театр авторитетом своим установил как литературную норму произношение шипящих, жрв, что соответствовало тогдашнему произношению литературно образованных людей и отражало народное произношение Центральной России. Однако это было своего рода исключением, так как во всех случаях, не так ли, в предупредительном слог всегда произносится звук ж, а не ш; на письме звук а, а произносится вада. Теперь же, по законам аналогии, это старое произношение вытесняется произношением шага, жара. С прямыми ошибками против литературной нормы легко бороться — они бесспорны. Никто также не станет защищать, например, северное диалектное «чо-канье» или южное диалектное «яканье». Труднее с исторически закономерными колебаниями, о которых мы говорили. Но с этими колебаниями нельзя мириться. Каждая эпоха должна иметь общепринятую норму для всех видов публичной речи.

Из хранящихся в Историческом отделе ГИИ ВМФ документов следует, что в 1946 г. в ходе операции по подводным лодкам под командованием тов. Маринеско А. И. личный состав действовал слаженно, умело и самоотверженно, сумев командиром показать высокое мастерство, решительность и храбрость в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Согласно научно проверенным данным тов. Маринеско А. И., командуя подводной лодкой «М-96», уничтожил 14 августа 1942 г. вражеский транспорт тоннажем 7000 брт. (арх. ИО ВМФ, д. 1895, л. 20; д. 3375, л. 74-77). Команду «С-13», тов. Маринеско А. И. уничтожил транспорт тоннажем 5000 брт. (д. 16157, л. 14-15. ЖБД противника группы армий «Север», инв. 359, стр. 217). Транспорт «Вильгельм Густлов» тоннажем 25484 брт. 30 января 1945 г. На транспорте погибло более 4000 солдат и офицеров противника (дело 20645, л. в. д. 16110, л. 13; д. 13752, л. 2, германский справочник Гюнтера Штейнвега, стр. 157); транспорт «Штейнберг» по документам крейсера «Эмден» тоннажем 14680 брт. 10 февраля 1945 г. На транспорте погибло свыше 3000 солдат и офицеров противника (дело 20645, л. в. д. 16107, л. 34; д. 13752, л. 23. Справочник Гюнтера Штейнвега, стр. 147).

П. п. Начальник Исторического отделения ВМНО ГИИ ВМФ капитан 1 ранга — Аччасов Верно: Зав. общим отделением ЦВММузея — Панава

Нужны ли комментарии? Но вернемся к остальным ветеранам. Ветераны довольны приемом, рады встрече с молодежью и со старыми боевыми друзьями. Один катер уже ушел в Ленинград, скоро должен отойти второй. В ожидании второго катера ветераны курят и перераспределяются словами. Кто-то полусерьезно говорит: — Третьим не прикуривают. — Предвзвешено, — заявляет другой. — Во времена англо-бурской войны это была верная примета. Было замечено, что ночью пуля снайпера чаще всего достается тому, кто прикуривает третьим. Но техника идет вперед, с тех пор как изобретен оптический прищел, опаснее прикуривать вторым. — Также устарело. В век ракетного оружия лучше вообще не играть с огнем. Сразу влетят первому... Очень толковое замечание, к которому следовало бы прислушаться ветеранам холодной войны. У советских ветеранов есть надежная смена. Да и сами они еще хоть куда...

НА ВЫСТАВКЕ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Картина А. Лактионова «ОБЕСПЕЧЕННАЯ СТАРОСТЬ» на выставке «Советская Россия» вызвала бурные дебаты зрителей: — Вы утверждаете, что это искусство? Но разве вы видите от искусства полного совпадения с цветной фотографией? Нет, вы только посмотрите, каждую шерстинку могу сосчитать у кошки! — Вы понимаете, написано мастерски, но ведь художник не отбрасывает, не концентрирует наше внимание на главном. Для него все главное — и фикус, и подвесник, и кошка, и человек! Как написана шаль — ведь пощупать хочется, — а подвеснички, а фикус, а седины волос! — Ну и что нового рассказал мне художник?

ГЛАВНОЕ — ВПЕРЕДИ

НА ВСЕСОЮЗНОЕ...

Сибирский экспресс спешит: на большой скорости проносится мимо станций и полустанков, на короткое время останавливается в городках. Но, как ни быстро мчат поезда, агроном Кирилл Данилович Грисмов успевает заметить все, что происходит на пробегающих мимо полях. Где-то вблизи Макушина он сказал: — Сорнички то все же есть. Плоховато обрабатывали, видно, спешили. За Шадринском уже иным тоном: — Сколькo у них тут паров подготoвлено! Молодцы... Спутники Грисмова глядят в окно. Сейчас уже нетрудно отличить зазеленевшие ковры посевов от квадратов паровых полей. — А будет на совещании разговор о парях? неожиданно спрашивает Василий Николаевич Лебедев, главный агроном совхоза «Сибиряк». — Должен быть, — уверенно отвечает Грисмов. Рядом с шуплым Лебедевым — покорителем целины — сидит плечистый, с хитроватым прищуром небольшой серых глаз Николай Михайлович Климанов — это специалист по старопашотным землям. Он лет уже пятнадцать главный агроном совхоза «Боевой»... Разговор в купе шел о предстоящем совещании специалистов, на которое все они ехали. Грисмов заговорил спокойно: — Да, о многом придется поговорить. Опыт у сибиряков теперь богатый. Вот они, — глянул он на Климанова и Лебедева, — при любой погоде хороший урожай получают. — А мы? — улыбаясь женщина со второй полки. Сибирские животноводы хорошо знают Дину Кузьминичу Нецаеву — селекционера племсовхоза «Омский», заслуженного зоотехника республики. — Вам-то, Дина Кузьминична, грех обижаться, — возразил Грисмов. — Ваши агрономы всегда высокий урожай получают... Купе все больше набивалось пассажирами. В разговор включались агрономы, инженеры — у всех у них были надежды на всесоюзное совещание.

ДИНА КУЗЬМИНИЧНА ДОВОЛЬНА

В Большом Кремлевском дворце собралось без малого 2700 специалистов и практиков сельского хозяйства, ученых и руководителей работников. Обсуждался коренной вопрос дальнейшего развития производственных сил советской деревни. Речь шла о научно обоснованной системе ведения сельского хозяйства.

Велики успехи советской деревни.

О них рассказал Леонид ИВАНОВ министр сельского хозяйства СССР В. В. Макевич, Освоенные десятки миллионов гектаров целины, на востоке страны создана новая крупная зерновая база. Это дало возможность увеличить посевы сахарной свеклы и других ценных культур в районах с наиболее благоприятными для этих культур природными условиями. Создались предпосылки для широкой специализации производств. В перерыве я встретился с Д. Нецаевой. Ее бойкие серые глаза сверкают, а лица не сходит довольная улыбка. — Вы обратили внимание, — говорит она и почти дословно цитирует понравившейся ей место из доклада: племязоды должны стать специализированными хозяйствами, где главная продукция — племенная свинья. — Вы обратили внимание, — говорит она и почти дословно цитирует понравившейся ей место из доклада: племязоды должны стать специализированными хозяйствами, где главная продукция — племенная свинья. Радость Дины Кузьминичны понятна. Совхоз «Омский», в котором она работает, тридцать лет развивал как племенное хозяйство. В 1953 году от каждой коровы в среднем было надоено по 5485 килограммов молока. Более высокого показателя Сибирь не знала, и не знает пока еще. Но в последующие годы продуктивность племенных коров упала почти на тысячу килограммов. Почему так? Главная причина в том, что племязоды предложили развивать свиноводство и птицеводство, что бы поднять производство мяса на стае гектара земли. Теперь свиная и хозяйстве больше, чем крупного рогатого скота. И кормов не хватает. Дина Кузьминична услышала на совещании то, о чем мечтала. Мы целиком на стороне Дины Кузьминичны. Не желая, однако, забывать и трудностей, связанных со специализацией хозяйства. Для примера можно сослаться на Омскую область. Здесь в каждом колхозе и совхозе, помимо молочного скота, обязательно есть свиноводческая и птицеводческая фермы, большинство хозяйств держит овец, пономейку кроликов. И теперь название совхоза ни о чем уже не говорит. Скажем, Черлакский совхозовский производит зерно больше, чем многие зерновые; Анаирский

свиноводство надаивает молока больше, чем известный в Сибири молочный совхоз «Северо-Любинский».

В этих условиях не так-то легко осуществить специализацию. Придется перестраивать помещения для скота. Возникнет и ряд других проблем. Вперед — большая работа по разумному переходу к специализации.

СПЕЦИАЛИСТ И ЕГО ПРАВА

Министр совхозов Казахстана А. И. Козлов привел такой пример: в условиях Северного Казахстана лучший срок посева яровой пшеницы — вторая декада мая. Однако в отдельные годы более удачным оказываются иные сроки сева. В этих условиях самое страшное — шаблон. Надо, говорит А. И. Козлов, сделать так, чтобы сроки полевых работ не диктовались сверху, а устанавливались специалистами на месте. Между тем часты случаи администрирования, подмены специалистов районным работником. В одном хозяйстве районный прокурор, вопреки protestам агронома, заставил косить... незрелое просо. А в Кустанайской области в минувшем году предложили колхозам сдать на элеваторы сухое зерно, пригодное на семена, а потом вынуждены были обменять некондиционные семена. Это обошлось государству в полтора миллиона рублей. Да, есть еще у нас любители не считаться с агрономом. А дело требует, чтобы агроному предоставляли такие же права в вопросах технологии производства, какие даны инженерам в промышленности, врачам в медицине. Я упоминаю о двух хороших агрономах — Василии Лебедеве и Николае Климанове. Они мастера своего дела. Климанов ввел севообороты на всей площади, включая и те поля, которые приращены совхозу три года назад. При этом севообороте правильные, с пользой севочного пара. В прошлом году на паровых полях совхоз снял по 23 центнера пшеницы с гектара — в два раза больше, чем на зби. Ввел правильные севообороты и Василий Лебедев. Однако отстоять чистые пары не смог, хотя права у обоих этих

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

агрономов одинаковые, работают они в одной области. В чем же дело? — Пока планирование ведется под диктовку сверху! Это сказал на совещании А. А. Пак — начальник Кустанайского областного управления сельского хозяйства. Но возникает и другая мысль: не хотят ли некоторые агрономы спокойной жизни? «Дали указание, нарушающее севообороты, — выполню. А если результат окажется неважным, — думает такой агроном, — с меня не спросят: я же выполнял установку». Так, конечно, жить легче, но может ли специалист идти на сделки за счет матушки-земли и батюшки-урожая?

СЧЕТ НАУКЕ

На совещании указывалось на отставание сельскохозяйственной науки, особенно экономической. Об этом говорили на совещании и директор совхоза «Гигант» Д. Д. Ангельев, и председатель сталинградского колхоза имени Чапаева Н. И. Касторниченко. — Почему только сейчас так остро встал вопрос о специализации? — спрашивал Касторниченко. — Да потому, что наши экономисты все отлачивались и только недавно начали говорить об огромной ее эффективности. Министр сельского хозяйства Украины М. С. Спивак рассказал, что в республике решено в течение двух лет потратить из числа специалистов, знающих сельское хозяйство, не менее двух тысяч экономистов для колхозов и совхозов. Что ж, такую инициативу нужно приветствовать. Современному хозяйству без экономического анализа повседневной своей деятельности не обойтись. Немало претензий высказывалось на совещании и в адрес конструкторов машин. До сих пор не созданы комплексы машин для механизации животноводческих ферм, для уборки трав и многих других работ. По многим вопросам дальнейшего развития сельского хозяйства состоялся интересный, принципиальный разговор. Дело теперь за творческим внедрением разработанных рекомендаций. А это и есть самое главное.

ГУМАНИЗМ НАШЕЙ ЭПОХИ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Призывая учиться на опыте революционной борьбы, Ленин, в частности, подчеркивал, что «только целесообразное сопротивление реакции служит революцию». Поединки одиночек имели обычно отрицательные последствия, так как они «непосредственно вызывают лишь скоропроходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего поединка». Ленин и партия отвергли авантюристические методы, путчи, индивидуальный террор, так как эти средства сковывают революционную активность масс, мешают росту их сознательности и самостоятельности. Пролетариат, идущие за ним трудящиеся массы — это сила восходящая, крепнущая. «Честность в политике есть результат силы, лицемерие — результат слабости», — писал Ленин. (Выделено мной). — Б. Р.). В 1917 году, отвечая хору реакционных борзописцев, Ленин подчеркнул, что пролетариат считает непристойным для себя пользоваться теми средствами, к которым прибегает реакция. «Никогда пролетариат не прибегнет к клеветам... Пролетариат будет действовать не клеветами, а словом истины». Империалистическая реакция, осуществляющая свою бесчеловечную политику, закономерно прибегает и к низким, бесчеловечным средствам. Буржуазные деятели открыто попирают мораль и право, не задумываясь, нарушают созданные ими же законы. Когда американская военщина посылает в пролетарские шипящие полеты свои самолеты, а государственные деятели США сначала цинично лгут, что ничего подобного не было, а потом, приплетя в сте-

не, столь же цинично заявляют, что эти проделки совершаются во имя... мира и безопасности людей, — они показывают всему человечеству, что сегодня строит свое поведение на основе принципов Маклявели и отцов изузитов. Благородный и гуманистическим целям социализма не могут служить средства, вносящие деморализацию в сознание масс, унижающие наше великое дело и приносящие ему ущерб. «Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма» (Ленин). Высоту социалистических идеалов марксизм-ленинизм сочетает с величайшей силой активности во имя их утверждения. Подлинный гуманизм оптимистичен, но этот оптимизм не имеет ничего общего с распространением сладких и благодушных иллюзий. Сколько есть «гуманистов», усердно повторяющих, что единственным оружием гуманиста должно быть краткое, поучающее слово. Конечно, хорошо бы строить все отношения людей только на добром согласии... Но тот, кому не безразличны интересы людей, не имеет права забывать, что в мире еще достаточно всякого рода черной нечисти. Для реакционных насильников, империалистических авантюристов, колониальных разбойников, организаторов антинародных заговоров и т. д. было бы лучшим поощрением, если бы прогрессивные силы заняли позиции смирения, непротеста злу. События наших дней заставляют напомнить, что гуманизм требует преодоления воинствующей бесчело-

вечности. Народ, который борется за счастье, должен уметь его отстаивать твердой рукой — это тоже заповедь подлинного гуманизма. И. К. Крупская вспоминала, что в день своего рождения Владимир Ильич любил уходить на далекую прогулку куда-нибудь в лес. На таких прогулках он говорил о том, что более всего его волновало. «Весенний воздух, начинающий пушиться лес, разбухшие почки — все это создавало особое настроение, устремляло мысль вперед, в будущее хотелось загнать». Во время одной из таких прогулок Ленин «стал говорить» — в связи с одним изобретением — о том, как новые изобретения в области науки и техники сделают оборону нашей страны такой мощной, что всякое нападение на нее станет невозможным. Потом разговор перешел на тему о том, что, когда власть в руках буржуазии, она направляет ее на угнетение трудящихся, что, когда власть в руках сознательного организованного пролетариата, он направляет ее на уничтожение всякой эксплуатации, положит конец всяким войнам. Ильич говорил все тихо и тише, почти шепотом, как у него бывало, когда он говорил о своих мечтах, о самом заветном». Ленин не думал, что вечный мир сам собою нисходит на землю, он думал о том, как использовать силу социализма, чтобы навязать мир и устранить войну из жизни общества. Это и есть активный гуманизм, а фальшивое «человеколюбие», которое усыпляет и разоружает разговорам о ненужности насилия вообще, — есть не больше чем уловка врагов гуманизма! Гуманизм Ленина, вера его в прогресс, в силу человечества обуздать зло делала

ДОСТОВЕРНОСТЬ ОБРАЗА

ВИДЕТЬ правду жизни, уметь ее раскрывать — главное для писателя. Если писатель не найдется видеть для него истинно художественное понимание человеческого характера, явлений, фактов, событий.

В повести марийского писателя Никандра Ильякова «Зеленое золото» райком партии направляет на лесозаготовку инструктора Толочкоцева в развалившуюся бригаду.

Толочкоцев, ознакомившись с рабочими-лесозаготовителями, решил: главное — «вдохнуть веру в свои силы, поднять дисциплину труда — и тогда все придет: хорошие заработки, и хорошие обеды, и прозодежда, и туфляки на юбки, и чистота в бараках».

Толочкоцев удлинит кабель, который соединяет электропилы с передвижной электростанцией, организует доставку обеда к рабочему месту и обращается к рабочим со словами: «— Да что думает! Многие уже стали понимать, что кубометры — это не только рубли, а будущее города, планы, новостройки. Вот эти и силы и охоту прибавлю!».

Финал повести ясен: бригада по мажорному авторскому желану становится образцовой, выполняет норму на 180 процентов.

«Толочкоцев поспешил улыбнуться». Еще для многих писателей прием: «пришел, увидел, победил» остается общей болезнью. Поэтому стоит разобрататься, почему же «Толочкоцев поспешил улыбнуться». Это захотелось автору. Его герой — инструктор райкома, один из персонажей, заполняющих странички десятков романов и повестей, которые действуют по заранее заданной схеме, действуют автоматически, как электронный человек.

Бесспорно, все, что рассказал нам Ильяков, могло произойти, но писатель не сумел художественно убедить в достоверности своего вымысла, не показал, как изменялся самый прочный материал — человеческий характер, как он покорялся силе партийного слова. Если бы автор сумел увидеть это, он сумел бы найти убедительные художественные средства изображения.

Лев Толстой говорил: «Герои и героини мои... делают то, что должны делать в действительной жизни... а не то, что мне хочется».

Ильякову безразлично покорны герои его произведения, они лишены самостоятельной жизни, своего характера. Как известно, герой зачастую нарушает сюжетную линию, не подчиняясь первоначальному замыслу, вносит в него коренные изменения, конечно, если этот герой с характером, если он живет своей жизнью. Так, например, произошло с героиней «Виринеи», Лидия Сейфуллина задумала Виринею профессиональной революционеркой, которая уходит в Красную гвардию и потом продолжает работу в Красной Армии в качестве политического работника. Но героиня «поправила» замысел автора, сломала его план.

Писательница, раскрывая образ героини, взвесила черты ее характера и убедилась: Виринея не может быть политруком. На что действительно способна первая бунтарка в сибирской деревне, — это умереть за революцию. И автор, вопреки своему прежнему плану, написал именно так.

Иной автор читает насильно над героем, над логикой его образа. Герой романа «Лавгинов» — мордовского писателя Василия Коломасова — Яхим застает свою жену с другим. Автор описывает эту сцену так:

«Несчастный Яхим Петрович! Никогда еще он не попадал в такое нелепое положение, как сейчас. Знал бы, что под навесом милуется его блуждающая с этим паршивцем, он бы скорее умер, чем открыл калитку. Может, и не умер бы, а поглядел бы в щелчку... Умереть от ревности и смотреть в щелчку, как твою жену милуется с другим, — это явления далеко не одного и того же порядка. Но что происходит с героем? Автор пишет: «...в его душе заколоталась ревность: он готов был унизить себя, броситься с кулаками на обонч...»

Яхим по складу своего характера мог это сделать. Но этого-то Коломасов своему герою и не позволил.

Яхим Петрович совершает неожиданные поступки, но их неожиданность объясняется не своеобразием героя, а художественным произволом автора.

Художественное видение жизни сопряжено с мастерством и культурой, талантом и позицией художника. Умение освещать действительность в ее закономерностях требует не только правды изображения характера героя, но и правды жизни во всем.

его взгляд особенно дальнорейким, позволял видеть далеко вперед. Писатель-краевед В. И. Анучин рассказывал, как в 1897 году В. И. Ленин во время съезда в Красноярск принял участие в дискуссии о литературе при социализме. Возник взаимовыгодный разговор о социальном обществе. Некий скептик, будущий меньшевик, «подпустил» ложку дегтя:

«Мечты, мечты! Где ваша сладость! Владимир Ильич выскрипал: — Да мечты, молодой человек! Мечты! Без мечты человек превращается в животное. Мечты двигают прогресс. Величайшая мечта — социализм... — А при социализме мечтать будут? — не унимался Скряжков. — А вы думаете, что тогда будут чмокать у корыта и радостно хрюкать от изобилия? Осушительная мечта — социализм — откроет новые грандиозные перспективы для самых смелых мечтаний...»

Советским людям выпало на долю счастье своими глазами увидеть, как осуществляются гениальные научные предвидения, смелые революционные мечты — и не только видеть, но и участвовать под руководством Коммунистической партии в этом осуществлении. Бывает, что жизнь бросает новый отблеск на известные теоретические положения, придает им особое звучание, и вдруг научная формула, известная по книгам, как бы загорается новым ярким светом.

Маркс, предвидя огромный прогресс производительных сил при социализме, говорил, как вместе с этим возрастет потребность каждой личности в духовном богатстве. Сведение труда общества к необходимому минимуму он считал важной предпосылкой развития индивидуальности. Свободное время он называл «временем досуга... и временем для осуществ-

Завтра в Саранске — столице Мордовской АССР на выездном заседании секретариата правления Союза писателей РСФСР начнется обсуждение произведений писателей Мордовии, Чувашии, Марийской АССР, Удмуртии, Карелии, республики Коми и Коми-Пермяцкого национального округа.

Ниже мы публикуем статью А. Кешокова, освещающую одну из тем доклада «Правда жизни и литература».

Первая часть большого романа удмуртского писателя Трофима Архипова «У реки Лудзинки» посвящена трудовому героизму колхозников в тяжелые годы войны. Но можно ли поверить автору, что Палаша — одна из героинь романа, узнав о гибели мужа на фронте, спокойно говорит: вот теперь-то я поработала как еще не работала, — и отказывается от дня отдыха, который ей дают, чтобы вдова могла прийти в себя.

В рассматриваемых нами произведениях есть немало произведений, радующих нас тем, что писатели, борясь за большие темы, во многом решают их с успехом.

Огромной теме национального возрождения посвящен ряд произведений писателей братских литератур, такие как «Семья Алтраман» П. Хузанга, «Охотник» М. Кибена (Чувашия), «Алая лента» В. Юхнина (Коми АССР), «Родимый тропинка» А. Тимонина (Карелия), «Старый дом» Г. Красильникова (Удмуртия), «Широкая Мошка» Т. Кириллинки (Свежий ветер» И. Антонова (Мордовия)... Перечень далеко не полный, произведений, посвященных своему художественному уровню, но все они говорят об одном — о начале большой прозы в национальной литературе Российской Федерации, о ее серьезных потенциальных возможностях.

Недавно Леонид Соболев сказал: «Собственность, цепко вьшаяся в наше сознание, выражает свое эгоистическое, отравляющее душу человека влияние во многих сторонах его жизни. И наша задача — заниматься большой и малой хирургией, вырезая эти атравматические опухоли».

Именно этой теме посвящена интересно написанная повесть «Старый дом» Геннадия Красильникова. Живучая кулацкая психология в условиях нашей сельской действительности порождает среди антиобщественных элементов всякого рода расхищателей, стремящихся к легкой наживе. В романе «Охотник» М. Кибен с завидным знанием материала ставит большую общегосударственную проблему, разоблачает браконьеров, превративших государственные охотничьи хозяйства в источник личного обогащения.

Роман Василия Юхнина «Алая лента» относится нас к предвоенному периоду, когда народ коми приносился революционными идеями, организовывался для борьбы против местных богатеев и колониальных работников, хищнически эксплуатировавших природные богатства Коми —

лес, выжимавших последние соки из трудового народа. Автор пишет с большой любовью о родной стране, ее природе, яркими красками раскрывает образы героев. Книга полна интересных наблюдений, точных деталей.

В романе-хронике Т. Кириллинки «Широкая Мошка» мы хорошо видим автора с его интересной биографией, но плохо различаем разнородные характеры его героев, лишённых художественной достоверности. Нельзя забывать о языке героев. Фальшь языка ведет к фальши образа в целом. В романе Кириллинки революционная учительница, обращаясь к ученикам и родителям, говорит так:

«— Дорогие друзья! Каждому человеку в конце года необходимо посмотреть на путь, пройденный за истекший год, и отметить, что в нем было хорошего и что дурного... В истекшем 1904 году нам пришлось пережить тяжелые события. Возьмем русско-японскую войну».

Приветствуя рождение большой прозы в наших республиках, мы не должны проявлять терпимость к недостаткам и прощать их авторам. Настал момент предъявить самые высокие требования к прозе молодых литераторов Федерации.

Надо учесть, что культура читателей республик и областей развивалась не параллельно с развитием национальной литературы или не по мере ее формирования, а обгоняла ее, — их художественный вкус формировался на материале русской и мировой классической литературы. Нашим читателям уже сегодня нужны произведения, написанные по большому счету. Художественное видение жизни писателем должно привлекать читателя своей глубиной, зоркостью, правдивостью. Но когда читатель видит дальше, чем автор книги, то ему нетрудно определить, где писатель пишет правду, где он фальшивит, и уличаемый в фальши писатель теряет самое дорогое для него, без чего он жить не может, — доверие читателя.

Б. ПРОРОКОВ. «За колючей проволокой».

ГЕРОИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ

ИМЕННО так хочется сказать о человеке, живущем сегодня среди нас, о художнике Борисе Ивановиче Пророкове.

Именно так потому, что никто, кроме близких друзей, не знает, сеной каких физических страданий достается художнику каждый штрих его мужественных талантливых работ, которые регулярно появляются на выставках и воспроизводятся потом на страницах газет, журналов, книг.

Говорят, для искусства важен результат, а не путь к нему. — О результате каждый должен судить сам. Назову только некоторые рисунки Пророкова, чтобы напомнить его, пророковский почерк:

«Танни Трумана — на дне!» — из серии «За мир».

Заглавный лист серии «Маяковский об Америке» — американская статуя Свободы с полицейскими в глазницах и слезой-дубинкой.

Негр на костре — из серии «Маяковский об Америке».

«Американцы на прогулке» — матросы, восседающие в колеске рикши,

они действуют подобно красному сигналу, неожиданно вспыхнувшего на кричащем и весьма многолюдном перекрестке. Остановись. Посмотри. Вспомни. Подумай. Вернись, снова взгляни в эти высеченные страданиями лица и непроходящие глаза, и ты не забудешь их никогда.

Впервые после войны Пророков выказался о войне. А ведь он больше чем кто-нибудь другой давно имел право и должен был сказать свое слово о войне. Именно свое слово о войне, которую пережил, видел без прикрас. Люди, которые иногда говорят, что им надоела тема войны, путают искусство с трескотней. В том-то и дело, что нет произведений искусства о войне вообще, как и нет для людей, живущих на земле, а не в небесах, войн вообще. Есть война против жизни и есть война за жизнь, война — войне! Существует литература об умении убивать друг друга, если можно так выразиться, техническая — она скончается вместе с концом угнетения и войн. Произведения художественной литературы переживают все войны, если это произведения не о приключениях или интрижках на поле брани, а о страданиях и мужестве, любви и ненависти людей, отстаивающих жизнь.

Пророков имеет право на свое слово о минувшей войне, потому что он в самую решающую пору — на рубеже между жизнью и смертью — разделил судьбу своего поколения как художник и солдат.

Когда-то, до войны, он отслужил два года срочной службы в саперах. При всей романтичности своей натуры, он в сорок первом году, пожалуй, и не стремился ставить минные поля и прово- дить заграждения на поле боя, хотя и гордится теми особыми мимолетными, когда война испытывала его человеческий характер солдатской мерой. Пророков пошел на фронт против фашизма с тем оружием в руках, которым лучше всего владел, с оружием советского художника.

Не надо искусству прибедняться: его сила в сравнении за жизнь не слабее силы многих дивизионов артиллерии, хотя и не всегда берется в расчет стратегиями войны. Мы подчас стесняемся сказать о подвиге человека искусства так же громко, как о подвиге солдата или полковника, пока не случится литератору или художнику заменить в бою убитого командира и возглавить оборону высоты. А я не мыслю себе стойкой борьбы матросов Гангута в сорок первом году без пророковских изобразительных фельетонов, трагавров, портретов, вырезанных из-за отсутствия бумаги для книги на линолеуме, сорванным с полов в разрушенных войной домах. У него почти не оставалось времени выйти из полководческого подвала и глазом художника всмотреться в гангутские скалы, о которых он вспоминает всю жизнь; он с трудом выкраивал минуты для пейзажных набросков в блокнот; но потом, когда на тонущем корабле пришлось выбирать между этим редким и для каждого художника бесценным запасником рисунков «для себя» и уникальным комплектом матросской газеты, он выбрал комплект «Красного Гангута» и не ошибся, почитая, что и для него самого это в жизни важнее.

В штурмовую декабрьскую ночь он, художник, стал старшим в команде политических работников на обреченном корабле, среди мин и снарядов в Финском заливе, и ничего нет удивительно-

го в том, что жизнь своей команды он спасал как настоящий командир: он был не соглашателем, не наблюдателем на войне, а ее участником, и самое счастливое для него воспоминание об этом трагическом часе, что люди в его команде, стоявшие в ожидании спасающих катеров и трапличных у борта так погноту, что если поднимешь с палубы логотип, то уже не сможешь ее поставить на то же место... все эти люди оказались людьми мужественными и порядочными.

Вот где формировались и утверждались эстетические взгляды художника — он видел все и кровь, хлещущую по палубе потогон, и иступление труса, посылающего проклятия вслед переполненному спасенными трапличку, — но он видел и порядочность настоящих советских людей, которые, не зная, вернется ли этой трапличке за ним, уступали свою очередь женщинам и раненым, он видел поэзию, в блокаде Ленинграда, благородство этих женщин, предпочитающих муки голода унижению перед врагом.

Война нанесла солдатские раны и ему. Летом сорок четвертого года, когда началась наступление на Выборг и начался своего военного пути, на Гангуте, Пророков добился в политоргане, в котором служил, творческого отпуска и поехал на берег Финского залива на фронт. На окраине Выборга еще шли бои. Генерал с перевязанной головой увидел художника, рисующего на лице под артиллерийским огнем, и, не признав ни документов, ни дошука на фронт, ни прав искусства на участие в бою, приказал немедленно убраться в тыл. С городской улицы Пророков перелез на камни залива и стал рисовать с натуры налет немцев на крепость. Он очутился на берегу,

ДОРОГИ

Вот высокий порог. Я стою на пороге. Омыают порог, словно реки, дороги. А по ним дни и ночи, недели и годы. Все идут пешеходы, идут пешеходы. Сухит зной, бьют бураны, метели.

А она все проходит, они все проходят, Бесконечны, бесценны и неустойчивы... Это жизнь по излучинам вашим стремится...

Свет из окон моих на дороге струится. Вот большие машины в ночи пропадают, Вот погонщики гонят стада по дорогам

То лесной стороною, то в поле широко. И опять пешеходы... все снова и снова. Кто им скажет в дороге сердечное слово?

Кто им песню поможет запеть среди ночи? Ведь березы молчат у дорожных обочин.

А дороги шуршат и шуршат под ногами. Загораются окна мой маяками! А дороги звенят и лютят, и грохочут, Слово каждая главное высказывает

Кое-кто говорит мне как будто резонно: «Уходи-ка ты от суеты и трезво!» — А куда я уйду? А смогу ли укрыться?..

Эта жизнь по дорогам течет и клубится. Как я братьев своих — пешеходов покину? Я без них ни за грош продаю.

Что смогу совершить я без них, одинокий? Вы бегите, дороги! Звените, дороги!

Перевел с мордовского языка Булат ОКУДЖАВА

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ ДАЛ СВОЕЙ НОВОЙ КНИГЕ, КАК ГОВОРИТСЯ, ОБЯЗЫВАЮЩЕЕ НАЗВАНИЕ — «ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ».

Каких-то особых откровенный поэт здесь не делает. Он лишь по-своему, по-васильевски, образно и эмоционально, конкретизирует нормы и правила нашего бытия, наше понимание счастья.

Могут заметить: хороша, мол, поэзия, если она лишь «конкретизирует». А где же «открытия», о которых много говорит критика, которых она настойчиво требует также и от поэзии?

Мы, понятно, не против истинных «открытий» в области человеческого сердца (Добролюбов). Но плохо, если этими определениями затеняется большая, а бы сказал, основная задача литературы, значение которой, по мнению Добролюбова, «состоит в том, что и как она пропагандирует».

Может быть, кто-либо из «челюстр тонких» знатоков поэтического образа сочтет это определение — пропаганда — принимающим поэзию, так сказать, случайно вырвавшимся у Добролюбова. Но это не так.

Если хорошенько вдуматься в эти слова, окажется, что они нисколько не принижают поэзии. Они дают поэту напорную точку опоры для самого широкого и целеустремленного творчества.

В интересном, хотя и несколько утрирующем мысль стихотворении С. Васильева «Ответ по существу» хорошо передана общая направленность его поэтической пропаганды. В стихотворении показана этакая «критическая» личность, недовольная всем происходящим, даже тем, что ее собеседник на вечерах выступает:

Да ты, брат, я вижу, того! Поэт и трубу! Выступай! А можно узнать — за кого? Я, глядя в глаза краснобаю, сказал без нажима, но вельств: — За кого, говорю, выступаю? Да все за советскую власть!

И этим благодарным пафосом пронизана вся книга С. Васильева. Немало внимания автор уделяет борьбе с людьми, которые привыкли лишь получать от жизни, ничем не оплачивая этот долг. Их еще много, подобных типов. Иногда эта тема у С. Васильева получает развернутый сюжет. Иной раз она воплощается в сатирическую миниатюру, как, например, в стихотворении «Любителю посылать».

В общем то, что поэт стремится довести до читателя, в чем он хотел бы увидеть его, почти всегда заслуживает внимания и одобрения. Но достоинство поэзии, как известно, определяется еще и другим решающим фактором — с каким художественным умением автор пропагандирует свои хорошие и важные мысли. В этом отношении можно много сказать и доброго, и недоброго в адрес боевой поэзии Сергея Васильева. Тут автор, скажем прямо, не всегда хватает вкуса и терпения, того терпения, о котором сам Васильев очень тонко и справедливо написал:

Ты говоришь, что все трудней писать, Сергей Васильев. «Что такое счастье», Издательство «Молодая гвардия».

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ СЧАСТЬЕ...

что не дается нужная строка. Вот, кажется, она уже близка, а вырвалась, коварная, опять и дразнится, маня издалека.

А ты терпи, хоть муки велики, держи на взводе хитрый карандаш, иначе потеряешь власть руки и дорогое золото строки другому, терпеливому, отдашь...

Многие и лирические, и публицистические, и сатирические стихи С. Васильева свидетельствуют о том, что поэт не терпит «власть руки».

Хорошо написано стихотворение «Девятнадцатый». Оно рождает в нас целый комплекс добрых ответных чувств. Даже для темы, где, кажется, уже исчерпаны все образные формы и приемы, С. Васильев порой находит интересное поэтическое решение...

Вот воинственные заморские «дяди» нетерпеливо глядят на часы. Им не терпится подать боевую команду. Стихотворение заканчивается выразительными строчками:

Ведь, кроме них, под небосводом есть с четной стрелкою прямой, с неумолимо точным ходом часы Истории самой.

Но, пользуясь выражением С. Васильева, нам хотелось бы и свой разбор стихов поэта провести «неумолимо точным ходом». А он, этот «ход», покажет, что у поэта имеется некоторое расхождение между декларацией о терпеливых поэтических поисках и тем, что он порою нам преподносит...

Такому чуткому поэту, как С. Васильев, иногда недостает вкуса. Только этим можно объяснить появление многих крайне слабых, не по авторскому поэтическому росту, стихов и строф. Ведь С. Васильев, вероятно, и сам понимает, что, например, следующие строки не обладают какими-либо поэтическими достоинствами:

Пусть плоды чужого сада на заметку не берет и туда, куда не надо, нос с зарубкой не сует. Мы — за дружбу, не иначе каждый день и всякий час. Но дадим хорошей сдачу, если враг затронет нас!

Да что говорить о строках из середины книги. Даже стихотворение, открывающее сборник, не лишено, мягко говоря, натянутостей.

Конечно, подобные мелковатые стихи С. Васильева относятся не к быстрыне его широкого поэтического течения, а к каким-то прибрежным заводям и лужкам.

Что же касается истинного человеческого счастья, то в это понятие входит и наша способность воспринимать, наслаждаться, расширять свой духовный мир и общественные интересы теми образами, которые создает поэт. Хочется, чтобы эти образы были наиболее впечатляющими, чтобы с ними не переменялись скороспелые поэтические подделки.

Б. ПРОРОКОВ. «Тревога».

ДУХОВНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ

Грандиозный подъем творческой активности народа является неиссякаемым источником вдохновения для наших писателей и деятелей искусства. Развивая достижения последних лет в обогащении тематики и идейного содержания литературы, искусства, театров и кино, наши творческие работники должны считать своим долгом создание произведений, отвечающих высоким художественным и идеологическим требованиям партии и народа. Для этого творец не только талант, для этого необходимо лиризовать все, что может одарить художника от народа, — истинную замкнутость, индивидуализм, тенденцию творить для одного круга «избранных». Прежде всего требуется глубокое знание жизни, ее деятельное изучение, живое и постоянное общение художника с трудящимися, с будущими героями его произведений.

(Г. ГЕОРГИУ-ДЕМ. Из доклада на III съезде Румынской рабочей партии).

«СЕЙЧАС каждый рабочий стремится иметь свою библиотеку. Рабочие покупают книгу, как хлеб. И то, и другое — хорошего качества и по доступной цене... Наши люди хотят читать и готовы защищать хлеб и книгу от посягательства поджигателей войны», — пишет в статье «Прекрасный путь» известный румынский поэт и писатель, генеральный секретарь Союза писателей Румынской Народной Республики Михай Бенюк.

Книга — хлеб. Может ли быть выше похвалы для писателя, для целой литературы? Разве литература, доверя бумаге итоги своих раздумий и наблюдений, не мечтает о том, что ее книга будет с интересом прочитана каждым рабочим, крестьянином, инженером, ученым, педагогом, будет нужна ему, как... хлеб, хочется сказать? Не всегда на долю писателя выпадает столь высокое признание. Но Михай Бенюк прав. Социалистическая литература народной Румынии в своих лучших достижениях завоевала сердца миллионов читателей, стала необходимым помощником в строительстве социализма, его активным участником. И не удивительно, что в дни, предшествующие III съезду Румынской рабочей партии, к которому с энтузиазмом готовился весь народ, вопросы литературы и искусства, творческие проблемы, волнующие румынских писателей, обсуждались с особой страстью и остротой.

Самым временем рождены эта страсть и эта острота. В чем задача литературы на новом этапе жизни румынского народа? В чем существо ее крупнейших традиций, традиций социалистического реализма? Где пути к новым рубежам и новым победам? — эти и многие другие вопросы неизбежно вставали в атмосфере живого, заинтересованного обсуждения всем народом проекта директив III съезда Румынской рабочей партии по дальнейшему развитию народного хозяйства на 1960—1965 гг. Румынские писатели активно участвовали в этом обсуждении.

«Жизнь и литература» — под такой рубрикой публикуют выступления писателей еженедельник Союза писателей РНР «Газета литератора». «У нас нет причин быть скептиками», — говорит Эуджен Барбу. «Успехи нашей литературы дают нам право ожидать рождения новых высокохудожественных произведений. Я думаю, что ныне одной из основных задач наших писателей является борьба за повышение мастерства. Искусство не терпит «зречья». Этим здоровым беспокойством за будущее родной литературы пропитаны многие писательские статьи, опубликованные в «Газете литератора». «Великой школой жизни» называет многообразную, яркую действительность румынского народа поэт Миху Драгомир. В своем выступлении он останавливается на успехах самого оперативного жанра литературы — очерка. «Если сейчас у нас немало талантливых очеркистов, выразительных рисующих самые различные стороны нашей жизни, то это объясняется тем, что эти авторы не только знают жизнь, но сами активно участвуют в ней. Очеркист уже не «открывает» мир завода или коллективного сельского хозяйства. Он уже давно знает этот мир, и поэтому очерк носит не информационный характер, а является литературным отражением самой действительности».

В глубокой связи с действительностью — источник всех величайших и будущих успехов румынских литераторов. Взяв на вооружение творческий метод социалистического реализма, осваивая лучшие традиции демократической литературы прошлого, проникнувшись высоким сознанием ответственности, они за пятнадцать лет су-

мели создать немало произведений, отобразивших «самую замечательную эпоху в истории нашего народа, эпоху революционных преобразований и социалистического строительства», — как писал Эуджен Барбу. Имена Э. Станку и М. Бенюка, М. Вануш и В. Эм. Галана, Т. Поповича и Ф. Мунтяну и целого ряда других писателей широко известны в стране, некогда — еще двадцать лет назад — отличавшейся высоким процентом неграмотности. И во многих-многих румынских домах появился теперь этот добрый спутник — книга. Старейший румынский поэт, видный общественный деятель Тудор Аргежи, 80-летие которого недавно широко отмечалось литературной общественностью страны, пишет: «Последнее время я часто бываю на наших фабриках и заводах: они превратились в университеты. Особенно радует то, что народ у подъяемого жизненного уровня рабочих расширяется их кругозор, благодаря курсам, клубам, библиотекам растет их культура... Да, то, что осуществляется в нашей стране, ее духовное, обновление — это истинное чудо!»

В дело духовного обновления своей страны значительный вклад внесли и вносят румынские писатели. Их творчество свойственны активный, наступательный характер. Борьба с пережитками и влияниями буржуазной идеологии, разоблачение «философии» ревизионизма, они утверждают самые светлые, самые передовые идеалы эпохи. Литератор Думитру Корбя писал, что «в проекте директив III съезда РНР по дальнейшему развитию народного хозяйства на 1960—1965 гг. писатели находят отражение великих идеалов и готовы служить борьбе за осуществление 6-летнего плана, за построение социализма. Роль литератора в этой борьбе была с особой ясностью подчеркнута на III съезде советских писателей руководителем Советского государства Н. С. Хрущевым...»

Конечно, формы изучения и «освоения» действительности многообразны. Небольшой пример: в писательской среде нашла всестороннюю поддержку инициатива бухарестских литераторов, о которой пишет еженедельник «Газета литератора». Они решили установить постоянные связи с промышленными предприятиями и взять на себя конкретные обязательства по отношению к стенам газетам, литературным кружкам и кружкам художественной самодеятельности. Около сорока писателей с охотой отдали свои силы новому начинанию. Ныне многократно крупнейшие заводы Бухареста — «Жизнь завода», «Металлург», «Красная Гривна» и другие — выпускаются при самом деятельном участии писателей.

Публикуя материалы, посвященные состоянию и успехам современной румынской литературы, газеты уделяют большое внимание одной из важнейших творческих проблем — созданию образа коммуниста. Этой теме посвятили свои статьи румынские литераторы М. Драгу и М. Новиков. Михай Новиков пишет: «В честь 15-летия со дня освобождения страны появились много романов о жизни и борьбе коммунистов. Так, например, в романах «На острие ножа» Михая Бенюка, «Северное шоссе» Эуджена Барбу, «Застава» Теодора Мазилу и в других произведениях исследаны двух лет широко показаны образы коммунистов, их характеры, складывающиеся в борьбе... Наша литература все более глубоко отражает объективную истину эпохи: героизм нашего времени является коммунизм, до конца преданной победе коммунизма во всем мире». Оба автора — и М. Драгу, и М. Новиков выдвигают справедливое требование еще выразительнее и ярче решать эту важнейшую творческую проблему румынской литературы.

Говорят, что действительность всегда богаче любого литературного произведения, рассказывающего о ней. Но и литературная жизнь всегда богаче любого ее описания. Вот почему никак не расквешивают обо всем, чем живут румынские писатели, их интересы и их задачи столь же многообразны, как сегодняшний день румынского народа.

И. АНДРЕЕВ

Из Азии доносится звук, подобный грому: вулкан, извержение которого вот-вот начнется, — такими словами определил американский журналист Маркус Чейл бурные протесты японского народа против американско-японского военного договора. Более шести миллионов японских трудящихся участвовало вчера в единой политической забастовке, проходившей под лозунгами: «Долой военный союз с Соединенными Штатами Америки!». «Правительство Киси — в отставку!». Забастовку начали железнодорожники, работники почтовой связи, работники железной дороги, работники железной дороги. С раннего утра на всех железнодорожных станциях страны от Хонгайдо до Нюсю приостановилось движение поездов. В 24 часа прекратили работу шахтеры, химики, металлурги, машиностроители; бастовали государственные служащие в демонстрациях участвовали деятели науки и культуры, студенты и домохозяйки. На многих одна из демонстраций японских железнодорожников. Фото Джампан Пресс

Конкуренты дьявола

Дьявол является отцом прототипа, взяв патент на свою идею, и его бизнес теперь страдает от конкурентов. Американское изречение.

Небезызвестный министр обороны США Джеймс Форрестал в 1948 году, незадолго до споста исторического прижизненного договора, договорился с тогдашним министром иностранных дел Великобритании Бенвином о создании на английских островах американских военно-воздушных баз. Тогда было официально объявлено, что авиационные части США пробудут в Англии не более трех месяцев.

С тех пор прошло... двенадцать лет! Несколько затонувших военно-воздушных баз. Они создали многочисленные площадки для запуска ракет с атомными и водородными зарядами. А в начале января нынешнего года в Англию из Франции начали прибывать первые подразделения американской третьей воздушной дивизии атомных бомбардировщиков «Супер Сейбр», «вывороненные» по выражению газеты «Дейли эскпресс» из Франции за отказ передать свои атомные бомбы под контроль французских военных властей.

Десятки тысяч американских военнослужащих — летчиков, механиков и специалистов ракетных частей НАТО дислоцированы на английских аэродромах и ракетодомах в Везерсфилде (Эссекс), Вентуортсе (Суффолк), Скалторпе (Норфолк), Харрингтон и в других местах.

Не так давно «Дейли эскпресс» поместила карикатуру по поводу американских атомных баз в Восточной Англии: У дороги, ведущей на базу, укреплены на столбах два щита. На одном из них надпись: «Атомная база ВВС США, Восточная Англия (быв. Королевские Воздушные Силы)». Свалка для предметов выброшенных де Голлем». На втором: «Немец, прошедший курс обучения по военному использованию атомных бомб на базе ВВС США, просит не плевать на головы туземцев» (то есть англичан).

Итак, на английских островах расквартированы молодые американцы. Они сидят далеко от дома, в неудобных, начальных электротехнических помещениях, и в определенное время поднимаются в воздух на режущих самолетах, чревах которых полны атомными

водородными бомбами. И много беспокойных мыслей и вопросов проносится в головах задумчивых американских парней в эти ночи, когда они пролетают над английскими городами и фермами, над Ла-Маншем и бурным Северным морем. Эти мысли американцев за пределами США тревожат генералов НАТО. А с опасными мыслями надо бороться. Надо поднять идеологическую базу под мышину возню вокруг «агрессивности» Советского Союза, чтобы молодые американцы знали, почему они вынуждены постоянно играть с огнем на чужбине. И вот, рискуя властью в конкуренцию с самим дьяволом, генералы НАТО в 1959 году издали серию из десяти брошюр под интригующим названием «Демократия лицом к лицу с коммунизмом». Эти брошюры, рассчитанные на солдат и офицеров, раскрашены яркими цветными обложками и иллюстрированы карикатурами и фотографиями, дабы привлечь внимание к этой интеллектуальной макулатуре.

Английский публицист Пэт Слоун в журнале «Уорлд Ньюс» называет эти брошюры поразительной комбинацией полнейшей невежества, искажений, негодных, лживых выдумок и доктринерства «холодной войны».

Для начала автор и издатель, разумеется, поясняют, что это за штука — коммунизм, который де угрожает «свободному миру».

Коммунизм, повествуют они с умным видом, берет свое начало от учения греческого философа Платона, который «проповедовал, что к людям следует относиться, как к скоту». Это, стало быть, истоки.

А чем «опасен» коммунизм? И на этот вопрос у автора есть ответ: оказывается, Советский Союз до сих пор не выполнил основного коммунистического «обещания» — «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Как видно, этим лозунгом и исчерпываются авторские познания в политической экономии социализма и коммунизма.

Не сильные они и в конкретных фактах. Во всех десяти брошюрах приведена лишь одна цифра — количество выпавшей в СССР стали. Остальные данные, без зазрения совести уверяет автор, не известны ему: только лишь потому, что советские руководители «редко сообщают русскому народу действительные цифры производства и

потребления товаров! Какую бы область ни затронул автор солдатских брошюр своим пером, он не может обойтись без лжи. Так, вступление Советского Союза в 1945 году по соглашению с союзниками в войну против Японии он называет нарушением советско-японского пакта... Ложь, основывающаяся на лжи. Нарождение лжи и клеветы! Вот еще один пример. «В 1954 году Информационное агентство США сообщило, что из 300 000 евреев, проживавших в 1941 году в прибалтийских странах, в результате геноцида осталось лишь 5000. Затем советское правительство переселило советских граждан в прибалтийские страны».

«Нановому читателю, — пишет уже упоминавшийся нами Пэт Слоун, — дается полная возможность вообразить, что советское правительство убило этих евреев: сделано все, чтобы читатель забыл, что 1941 год был годом зверского вторжения нацистов на упомянутые территории, забав массовую резню евреев, предпринятую нацистской макулатурой. Таким образом, не только возводится чудовищная клевета против СССР, но одновременно оправдывается нацистская Германия».

Мы не будем приводить здесь десятка других фантастических, точнее, клеветнических утверждений пропагандистских писак НАТО. Достаточно и сказанного.

Плохи дела военных и идеологических лидеров НАТО, если им приходится активно конкурировать с дьяволом во лжи и прибегать к низкопробным клеветническим приемам в безнадежной попытке очернить великие дела и успехи советского народа. Напрасные потуги! Правда о замечательных достижениях советских людей во всех областях человеческой деятельности пробивает все железные и бумажные занавесы, которые пытаются воздвигнуть капиталистического образа жизни. Историческая поезда Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки раскрыла глаза десяткам миллионов американцев, которые в течение столетий питались дезинформацией о нашей стране.

Народам мира надоела пропаганда «холодной войны». Они хотят правдивой информации о жизни советских людей. Они уже не верят клеветникам, в какие бы яркие обложки они не переплетали свои клеветнические росказни.

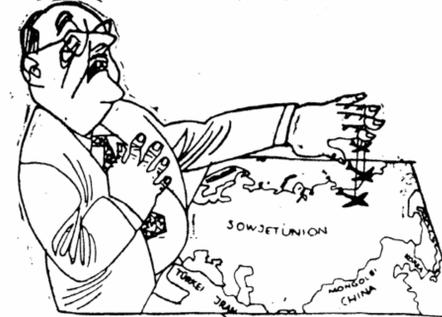
Н. БАРОЯН

ПО СТРАНИЦАМ НЕМЕЦКОГО САТИРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА
«ОЛЕНШПИГЕЛЬ»

МАСТЕРА ТОРПЕДНЫХ ДЕЛ...

Он торпедировал совещание в верхах
Рисунок художника Лео ХААСА

Аппен Даллес:
— При чем тут агрессия? Это — любовь, любовь беспредельная, не знающая границ!
Рисунок художника Гаральда КРЕЧМАРА

Идеолог «открытого неба»:
— Небо должно быть открытым для всех! Но не для русских, конечно, они ведь авиисты!
Рисунок художника Луиса РАУВОЛЬФА

Иржа ШОТОЛА МАЙСКОЕ УТРО

Славься, великое счастье — день начинать трудовой! Раннее утро. Светлеет. Тонкий туман над рекой. Свист паровоза... А летчик улетает самолет. Где-то рука человека на фабрику ток подает. Шахля, Ленинград, Варшава. Отблеск стеклянных домов. Глубины могил и ущелий. В космосе, во Вселенной Держат миллионы рук Прекрасное яблоко — Землю. В Преге на набережной шofer торопит машину. Он берет теплые круглые хлеба. В шахты спускают клеши. Старый фотограф целится своим аппаратом в небо. На земле — лужицы нефти. Глаза, горячие мысли, струящийся пот. Стройные горлышки ваз, следы тяжелых сапог. Стальные птицы врезаются В небо над головой. Славься, великое счастье — день начинать трудовой!

Перевод с чешского В. СТЕПАНОВ

ГЕРОИЧЕСКИЙ ТАЛАНТ

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

перенесенный туля взрывной волной. Неизвестно, сколько времени он пролежал без памяти. Придя в себя, он решил, что ему повезло: хорошо, что взрывная волна бросила его не в море, а на берег, вода и гранитный. Он встал, понасм, но не нашел своих зарисовок, допелся до санчиста, сделал противостолбнячный укол, убедился, что череп не поврежден и пошел в комендатуру, чтобы по-фронтовому отметить встречу с знакомым по Гангуту бойцом. Но там его увидел генерал с перевязанной головой, теперь он даже обрадовался знакомому художнику, которому уже тоже успели перевязать голову, обрадовался как представителю флота поднял вместе с армейцами флаг над выборской крепостью. Опять художнику выпала честь солдата.

А потом на попутной машине он уехал в Ленинград, добрался до Москвы, отлежался дома, благо никто не ткнул его в госпиталь, поскольку он конужен в творческом отпуску, а сам он не мог тогда предположить, что за эту конужену будет расплачиваться всю жизнь.

Он даже дома не долежал до поправки, потому что началось наступление в Эстонии и повлился снова надежда поспеть к Гангуту с другой стороны. Вместо Гангута он с матросским десантом пошел в сосновый лес на живописном песчаном берегу за Палдисками, где гестаповцы торпедились, но не успели довершить ликвидацию заключенных лагеря смерти. Заключенные валили сосны, распиливали на двухметровые плахи и укладывались на них парно, валецом, воздвигая живую поленицу для костра. Поленицу успели обдать бензином и зажечь, но в разгар казни пришел десант. Пожалуй, впервые Пророков потерял самообладание и не смог себя заставить рисовать.

А потом под автомашину, в которой он уезжал из соснового леса, попал снаряд и снова он очутился на каких-то камнях. На этот раз его конужило не в творческом отпуску, а в творческой командировке, и его на некоторые время уложили в госпиталь.

По столько было ран вокруг, что художника не стали задерживать и отпустили в Берлин, потому что он должен был, конечно, видеть руины памятников милитаризма в Тиргартене. А оттуда надо было успеть на Дальний Восток, в Порт-Артур, потому что еще не все кончилось, а Хиросима еще только началась.

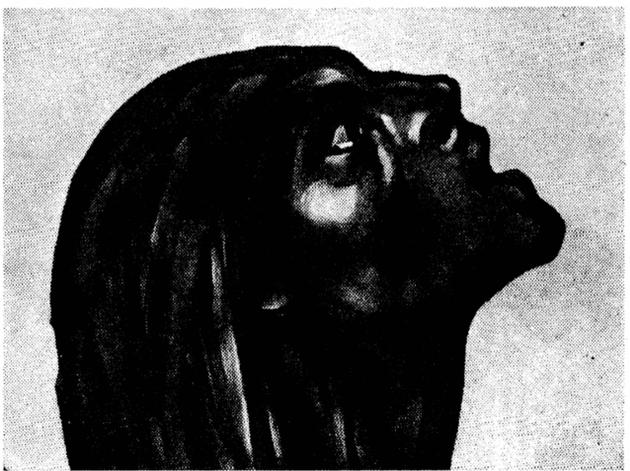
Так накапывалась война — со всеми ее ужасами, кострами, пепелищами, горем, кровью, смертями, победами и неутомляющими угрозами.

Но тут началось то, о чем долгие годы не хотелось писать, но надо, необходимо рассказать.

Пятнадцать лет болит голова. Болит не так, что можно глотнуть таблетку пирамидона, выпсыпаться и сесть работать или читать. Нет. Болит без перерыва, круглые сутки и круглый год. Просветы, — то есть немного меньше

боли, — по утрам: тогда можно поговорить с друзьями, а иногда, правда редко, и погулять. Вечером совсем плохо: музыку, особенно хорошую, лучше не слушать, иначе начнется приступ. Весной и летом легче, чем зимой. Но вот пришла весна шестидесятого года, и слова плохо — это расплата за нарушенный запрет.

Пятнадцать лет врачи запрещали художнику касаться войны. Было набросано девятисот эскизов о Гангуте, но папка отложена в архив. Пророков занимался политической сатирой, насущными темами дня. Занимался по своему, по-проковок, отдавая все силы душе. Все, что сделано за минувшие годы, — а мы видели в Третьяковке, на выставках или в печати только иголки и не знаем, какой титанический поток стоит за каждым литом, — все, что показано, отдано нам, — это живая,

Б. ПРОРОКОВ. «Проклятие палачам».
Рисунки из серии «Это не должно повториться».